

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

10.7256/1999-2793.2013.04.1

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ ТЕКСТА В ИДЕОЛОГИЮ

Аннотация. *Тексты нередко обретают форму идеологии. Поэтому правомерно поставить вопрос: может ли быть научной концепция идеологии? По мнению Рикёра, слово «идеология» трактуется неправильно. Это приводит к ряду заблуждений. Только точные семантические рамки, установленные в результате «достоверного описания ситуаций, в которых это выражение уместно» может положить конец различного рода заблуждениям. Этот методологический подход П. Рикёра относится к феноменологии (или к семантической феноменологии).*

Ключевые слова: философия, феноменология, дискурс, текст, заблуждение, методология, мышление, социальная критика, Рикёр, семантика.

Французский философ Поль Рикёр определяет текст как «объединенные или структурированные формы дискурса, зафиксированные материально и передаваемые посредством последовательных операций прочтения»¹. Это позволяет тексту «перетекать» в идеологию.

Понятию «идеологии» не следует придавать только тот уничижительный смысл, который придавал ему Маркс и который ассоциируется у нас с искажением реальности под влиянием завуалированных классовых интересов. Негативный аспект идеологии должен рассматриваться как частная характеристика более общей и вместе с тем более позитивной ее концепции.

Идеология означала некогда метод мышления, типичный для французского Просвещения. Для мыслителей этой эпохи, таких, как Дестют де Траси, идеология означала теорию или доктрину идей. Именно Наполеон впервые употребил это слово в негативном смысле, назвав «интеллектуалов» и «идеологов» своими врагами.

Вполне возможно, что использование идеологии в уничижительном смысле предполагает некоего Наполеона — реального или потенциального, способного превратить описательный термин в полемическое оружие. Понимание идеологии как средства социальной критики, даже если при этом политическая критика направлена против скрытой тирании господства, означает на деле чье-то

притязание на власть. Для того, кто стремится к власти, идеология означает «мышление Другого, моего противника».

При каких условиях, по мнению Рикёра, сомнительное значение слова «идеология» не будет бросаться в глаза, даже несмотря на то, что оно в конце концов вытекает из самой дефиниции?

В качестве отправной точки анализа можно взять положение М. Вебера о социальной интеграции. В отличие от Маркса Вебер дает более исчерпывающее объяснение феномена социальных отношений, не ограничивая его двумя понятиями — господство и конфликт.

Используя данную Вебером трактовку «осмысленного поведения», Рикёр отмечает, что именно на уровне такой осмысленной, сориентированной на другого (члена общества) и социально интегрированной деятельности феномен идеологии приобретает свое первоначальное значение. Идеология рассматривается автором как система взглядов, которая содержит в себе директивы к действию, предопределяющие «осмысленное поведение» членов группы.

Любой социальной группе нужно создать свой имидж для того, чтобы она могла «представить» себя в определенном свете. В этом случае, отмечает Рикёр, идеология не имеет отрицательного значения. Автор рассматривает отношение исторического сообщества к знаменательным событиям, которые оказали решающее воздействие на его историю. В ряду этих событий он называет, например, принятие американского Билля о правах, Французскую революцию, Октябрьскую революцию.

¹ Рикёр П. Герменевтика, этика и политика. Московские лекции и интервью / Пер. с фр.; ред. И. Вдовина. М.: Академия, 1995. С. 3.

Идеология выполняет здесь «дистанцирующую функцию», она как бы отсеивает из социальной памяти незначительные факты, в то же время сохраняя незыблемыми первоначальные убеждения «Выдающихся Отцов». Задача идеологии состоит в том, чтобы превратить эти убеждения в общественное кредо и закрепить энтузиазм масс, проявленный в период неординарных событий.

Как заполнить пробел между «выдающимся событием», которое может быть само по себе более или менее мифическим и современной жизнью группы? Здесь необходимы, по мнению Рикёра, образы, символы, интерпретации, с помощью которых такое событие сохранит свою действенность на долгие годы. Вполне вероятно, отмечает Рикёр, что социальное существование вообще невозможно без этого опосредованного отношения группы к какому-то факту, событию, явлению, обусловившему ее создание.

Интерпретации подобного рода можно считать основным компонентом того, что Вебер определил как «осмысленное действие» (поведение).

Современное событие никогда не осмысливается. Это невозможно, поскольку процесс постижения предполагает обращение к социальной памяти и вместе с тем воссоздание определенного рода этой памяти, то есть в форме интерпретации, в форме уже опосредованного отношения к реальным фактам прошлого. Таким образом, идеология в этом опосредовании — первичная функция, отличающаяся от функции, связанной с искажением реальности.

Эта основная «интегративная» функция идеологии, по выражению Рикёра, предполагает ее некоторые потенциальные негативные черты:

А) при таком опосредованном отношении к «основополагающим событиям» проявляется четкая тенденция к замене убеждения путем простым одобрением, логическим образованием (рационализацией в психоаналитическом смысле слова). Этот переход от убеждения к рационализму — результат постоянно углубляющегося расхождения между прошлым и настоящим.

Идеология по сути дела дает ответ на все сомнения, возникающие в результате этой временной дистанции, так как она — неизменный компонент социальной мотивации. Идеология не просто отражает некие основные силы, она принадлежит к символической сюжетике группы, связывает перспективу и память. Идеология есть своего рода механизм аргументаций, цель которого постоянно доказывать членам группы, что они вправе быть теми, кто они есть.

Б) Эта замена мышления мнением и является идеологическим феноменом. Он обнаруживается сразу же в первую годовщину какого-то выдающегося события, когда ритуализация и стереотипизация приходят на смену сознательному, творческому подходу и энтузиазму пионеров. Об этом наглядно свидетельствуют словари: появляются типизированные выражения — начинается господство «измов». Идеология вообще, замечает Рикёр, является преимущественно царством «измов»: либерализм, социализм, гуманизм... Даже для спекулятивного мышления идеологические процессы протекают рука об руку с новообразованием слов при помощи этого окончания — спиритуализм, материализм и т. д. Это пристрастие к лозунгам, максимализму и кратким формулировкам обнаруживают родство между риторикой и политикой, хорошо известное еще греческим и латинским мыслителям.

Схематизм, рационализм и стереотипизации, словом, вся риторика идеологии — это та цена, которой оплачиваются социально действенные идеи;

В) как свод интерпретаций идеология есть нечто, исходя из чего, мы начинаем думать, она в меньшей степени является содержанием рефлексии. Мы не видим ее перед собой как объект мышления. Механизм идеологии действует как бы «за нашей спиной». Мы попадаем под ее «диктовку», и из-за недостатка контроля возможны «искажение и сокрытие фактов».

Г) Рикёр рассматривает инерцию как аспект, отражающий временный характер социального феномена. Это означает, что мы получаем новое знание не иначе как на базе прежде накопленного и типизированного. Следовательно, по Рикёру, новое всегда сталкивается с тенденцией к ортодоксальности и нетерпимости. Каждая группа, считает он, в силу сложившейся структуры обладает ограниченной возможностью одобрить то или иное действие, но в то же время она категорически нетерпима к крайностям. Ни от одного общества нельзя требовать, чтобы оно было радикально плюралистично и вседозволенно. Всегда существуют определенные феномены, к которым недопустимо проявлять терпимость. Когда новое угрожает способности группы к самоопределению, возникает состояние невыносимости. Определенное количество безрассудства и слепоты — идеологической слепоты и узости! — неизбежное проявление этого спонтанного самоопределения в деятельности любой социальной группы.

Во второй концепции идеологии, предложенной Рикёром, отрицательные черты идеологии, как он считает, выступают еще рельефнее. Он объясняет это тем, что здесь принимается в расчет феномен господства или, другими словами, иерархическая структура общества. И в данном случае автор строит свои рассуждения, исходя из основных положений социологии Вебера, который констатировал всеобщий факт господства власти. Этот феномен господства, по Веберу, проявляется в четкой дифференциации между правящей частью любого общества и остальными его членами. Правящая группа осуществляет руководство и обладает властью для обеспечения порядка посредством силы. И здесь слово за идеологией, поскольку такая власть постоянно нуждается в подтверждении законности ее существования. Идеология служит сводом интерпретаций, который обеспечивает интеграцию в обществе, оправдывая наличие власти как таковой.

Какие новые черты появляются у идеологии в связи с этой функцией? — спрашивает Рикёр. В некотором смысле эта вторая концепция требует в качестве предварительного условия то же, что и предыдущая: в качестве наиболее выдающихся событий выступают события политические (войны, победы, революции, декларации о независимости и т.д.). В этом смысле феномен власти тесно связан с мифологией социальной группы. Выдающееся действие, которое отражается и опосредуется идеологически, является по сути политическим. Но вторая концепция идеологии, отмечает Рикёр, включает в себя нечто новое, а именно: она строится с учетом иерархического аспекта социального порядка. Новые функции идеологии вытекают из этой иерархической структуры.

Этот феномен наиболее точно описал М. Вебер. Требование власти признать ее законность совпадают с верой части граждан в то, что власть законна, как и сам социальный порядок. Однако в настоящее время гармония нарушена: требование власти осталось неизменным, но пошатнулась вера членов группы в ее законность.

В этой связи Рикёр говорит о феномене «переоценки». Любая власть требует от данной группы чего-то большего, чем последняя может предложить в форме веры или убеждений. Идеология служит, считает Рикёр, для оправдания «переоценки». Эта функция в большей степени, чем «интегративная», предполагает искажение действительности. Все системы господства, подчеркивает Рикёр, содержат в себе скрытое «зерно» боговдохновенной

власти, которую мы «эвфемистически» называем персонифицированной властью.

Каждая из этих систем апеллирует к своду норм и оценок, которые требуют с нашей стороны больше уступок, чем этого заслуживает данная власть. Некоторые идеологи, отмечает Рикёр, неизменно заполняют существующую брешь между требованием власти и нашим отношением к этому требованию.

Если первую функцию идеологии — интегративную, рассуждает Рикёр, нельзя обнаружить без второй, цель которой «оправдывать» существующий порядок, то это не значит, что феномен идеологии исчерпывается этой второй функцией. С этой точки зрения Рикёр анализирует марксистскую концепцию идеологии.

По Марксу, отмечает Рикёр, идеология не является функцией «господства вообще как такового», но господства, осуществляемого правящим классом в конфликтной ситуации. В связи с этим идеология приобретает новые черты, которые не перечеркивает отмеченные выше, но придают концепции идеологии более исчерпывающий характер. Рикёр приводит три черты, вернее, три основных положения марксистской концепции:

1. Первая обнаруживается благодаря метафоре Маркса (Рикёр ссылается на «Экономическо-философские рукописи 1844 года»), который воспользовался данными физического опыта, свидетельствующего о получении обратного изображения предметов на сетчатке глаза и в камере-обскуре. Идеология, указывает Рикёр, согласно «молодому Марксу, представляет нам «поставленный на голову» образ реальности;
2. Вторая черта идеологии, вытекающая из марксистской концепции, заключается в следующем: парадигмой механизма идеологического воздействия выступает, во-первых, религия, затем — стойкое идеалистическое мышление.

Вслед за Фейербахом Маркс не сомневался, что религия и есть «перевернутое» отражение реальности. Она ставит все вниз головой и объясняет любое явление с точки зрения божественного, являющегося основой земного существования. Молодой Маркс, уверяет Рикёр, распространил это положения на все идейные системы. Все идеи, когда они выделяются из исторического процесса, из всех форм социальной деятельности, становятся независимыми сущностями, автономной реальностью. Если мы назовем идеализм доктриной, согласно которой идеи предшествуют материи, рассуждает Рикёр, тогда идеализм, как более ши-

рокая сфера религии, по Фейербаху, становится моделью идеологии. Концепция идеологии в этом случае имеет чисто негативное сопутствующее значение. Она рассматривается как общая схема, затемняющая процессы реальной жизни. Назначение идеологии — заменить реальность ложными представлениями, образами;

3. И наконец, если следовать Марксу, поскольку идеология является процессом, генерированным самой реальной жизнью, только революционное преобразование ее материальной базы положит конец иллюзиям. Никакая критика идей, отмечает Рикёр, не может сама по себе развеять эти иллюзии. Только практика способна уничтожить то, что создано практикой. В этом смысле, подчеркивает он, конец идеологии означал бы подавление социального процесса, который создал ее.

Рикёр не отвергает марксистскую концепцию идеологии, но считает, что она может быть продуктивной только, ее рассматривать ее в связи с двумя предыдущими концепциями, основанными на социологии Вебера. Прежде всего Рикёр считает, что метафора с камерой-обскурой скорее вводит в заблуждение, чем разъясняет реальный процесс, а вторичным — поставленным на голову образ реальности, аналогичный оптическому образу физического объекта. Однако, утверждает Рикёр, анализ первой концепции, приведенный ранее, показал, что так называемый «реальный» процесс уже сам по себе имеет символическое значение.

Социальные действия и социальные отношения опосредуются в нашем сознании в виде представлений, образов, верований. Эта опосредованная функция идеологии и гарантирует определенную степень осмысленности поведения. Другими словами, форма реальной жизни не может быть выявлена до обнаружения символов и тем более до возникновения идеологии. Символизм в целом — не вторичный аспект социальной жизни, он составляет реальную жизнь в форме социального осмысления действительности. Это значит, отмечает Рикёр, что нельзя относиться к марксистскому положению о перевернутом образе как к первооснове концепции идеологии.

Марксистская концепция идеологии как поставленного на голову образа реальности должны быть соотнесена с положением о символическом содержании социальной сущности. Только тогда, подчеркивает Рикёр, она может быть сохранена в виде «вторичного искажения символов, составляющих социальную реальность».

Рикёр не приемлет без оговорок и марксистскую дефиницию идеологии в зависимости от ее содержания, а не только по форме. Он склонен думать, что именно потому религия составляет автономную сферу опыта, символики и осмысления мира, что она может быть использована в целях оправдания существующей системы господства, то есть как идеология.

Рикёр считает, что Маркс внес основательные коррективы в это сложившееся представление, когда он описывал западное христианство как апологетику существующего порядка и как форму социальной критики. Аналогичная функция «оправдания» может быть присуща, по мнению Рикёра, не только религии и идеологии. Франкфуртская школа убедительно доказала, что она считает, что в развитых индустриальных обществах наука и техника играет такую же роль, как и религия на первой стадии развития капитализма. Из этого следует, что любой тип мышления, каждая разновидность рассуждений могут быть схематизированы, типизированы и представлены в форме идеологии. Еще более очевидно для Рикёра, что любая религиозная или этическая система мышления может быть использована для устранения расхождений между требованием, предъявленным властью, и нашей спонтанной верой в ее законность.

Этические и религиозные концепции становятся идеологическими в тот момент, когда их начинают использовать для оправдания данного господства и власти. Религия призвана вводить членов группы в заблуждение, но аналогичным образом, по мнению Рикёра, может служить в наше время наука и техника.

Более того, марксизм сам по себе, считает Рикёр, в соответствии с его же дефиницией идеологии может стать искажением реальности и — независимо от тех, кто придерживается этого учения — отражать искажение социальных отношений. Возражение вызывает у Рикёра и основное положение Маркса о том, что в результате революционного преобразования общества господствующей станет идеология, основанная на научном знании, объективно отражающая действительность. Весь вопрос в том, отмечает Рикёр, возможна ли неидеологическая наука идеологии?

По мнению Рикёра, фактически никогда социальная теория не достигала уровня научности, который позволил бы ей использовать выражение «эпистемологическая ошибка» для определения дистанции между ней и идеологией. Чтобы стать

наукой в подлинном смысле слова, социальная теория должна представить не только убедительное объяснение, но и доказательства, способные опровергнуть противоречивые факты. Мы же имеем либо унифицированные, но не проверенные практикой теории, либо теории, в достаточной степени подкрепленные доказательствами при отсутствии обобщений, такие, например, как демография и все остальные дисциплины, основанные на математическом и статистическом методах. По мнению Рикёра, в равной степени заблуждаются и те, кто громкогласно выступает против идеологии, и те, кто защищает теории, обладающие великой интегративной силой, но не подкрепленные данными эмпирического опыта.

Рикёр исследует возможные заблуждения на этот счет. В качестве общего аргумента он выдвигает следующее положение: идеологическое суждение, как правило, поверхностное суждение, ничего не подозревающее о своих истинных мотивах.

Простое предположение, подчеркивает автор, о существовании реальных подсознательных мотивов, обуславливающих общественные убеждения и верования, не являются научным как таковым. Вместе с тем переход от иллюзорных мотивов к реальности и от сознательных к подсознательным можно объяснить, но здесь и таится, утверждает Рикёр, «эпистемологическая ловушка».

Действительно, исследователь, движимый интеллектуальным тщеславием, думает, что простое открытие области подсознательного и его собственные рассуждения в связи с этим, призванные объяснить феномен, и являются научными операциями. «Эпистемологическая наивность» усугубляется убеждением, будто перенесение объяснения в область подсознательного поможет уменьшить роль субъективного. Вместе с тем в марксизме (в отличие от социальной теории Вебера) объяснение, которое дается социальными представителями по субъективным мотивам, заменяется взаимодействием общественных тенденций, лишенных субъективного значения. Это тоже не гарантия того, что ученый-марксист успешно проведет беспристрастное, объективное исследование, но при этом еще и притупляется бдительность по отношению к возможным фальсификациям. Чем больше мы понимаем, тем меньше мы проверяем. Это именно тот процесс, за который теорию осуждают наравне с идеологией — рационализация, предполагающая неизбежное сокращение реальности.

Есть ли у нас иной выход, кроме как согласиться с существующим противоречием между

наукой и идеологией? Одно время Рикёр полагал, что можно ограничиться простой констатацией этого факта. Однако вскоре он пришел к выводу, что нельзя игнорировать это противоречие, хотя существующее напряжение в отношениях между наукой и идеологией невозможно стабилизировать, ни предложив четкую антитезу, ни обозначив его как очевидную путаницу.

По мнению Рикёра, разрешить этот парадокс способна герменевтика, как методология исторического познания. И в данном случае не исключаются предубеждение, пристрастность — категории, которые в свою очередь относятся к онтологическим структурам познания. Другими словами, отмечает Рикёр, обычные эпистемологические трудности, связанные с использованием таких выражений, как идеология и предубежденность, имеют общие корни в структуре личности, которая никогда не сможет довольствоваться суверенной позицией субъекта, способного абстрагироваться всецело от условий своего существования. Мы могли бы теперь подойти непосредственно к этому анализу человеческого существования, имеющему отношение к вопросу об ограниченных рамках исторического познания окольным путем, предварительно обсудив эпистемологические условия, при которых возможна наука идеологии. Таким образом, подчеркивает он, обнаружив ошибку в положении о «всеобщем отражении», мы сможем доказать необходимость и законность другого «типа рассуждений» — герменевтики исторического познания.

Можно выставить на обсуждение четыре предпосылки, исходя из которых реально уяснить смысл двойственных отношений — «наука-идеология».

1. Всякому объективному знанию относительно нашего положения в обществе, в социальном классе или приверженности к культурным традициям предшествует отношение принадлежности к ... тому или иному классу, которое не всегда бывает очевидным для отражающего мышления.

Мы принадлежим к классу, к нации, к культуре, придерживаемся одной или нескольких традиций. Приняв за основу общения между людьми это «участие» в жизни класса, общества и т.д., мы принимаем таким образом первую интегративную функцию идеологии, которую мы рассматриваем как систему образов, символов, интерпретаций, дающих возможность группе «представлять себя». Согласившись с такой ролью идеологии в опосредовании бытия, мы тем самым приемлем ее остальные функции, связанные с искажением и обманом.

2. Хотя объективному знанию предшествуют некоторые отношения, свидетельствующие о принадлежности к какому-то классу или обществу, оно может все же довольствоваться относительной автономией.

Эта автономия — следствие отстранения от участия в историческом процессе. Я осознаю себя исторической личностью только при условии отстранения (дистанцирования).

Диалектика «участия и отстранения» и есть основное условие, определяющее диалектические отношения науки — идеологии.

Под «дистанцией» имеется в виду не просто временная категория, имеющая пассивный оттенок, но активно взятая дистанция.

Этот процесс легко понять, когда опосредованные отношения между нами и событиями прошлого закрепляются текстами и другими документами, которые обладают такой же объективной функцией, как и письменность. Для того чтобы понять такой текст, следует отстраниться от современной реальности, чтобы затем приблизиться к ней опосредованным путем. Эта методика — герменевтика, используемая для правильного истолкования текста, и есть наиболее приемлемый подход к беспристрастной оценке критики идеологии.

Не существует самопознания без критики, отмечает Рикёр, и нет самокритики без критики иллюзий субъекта. Критика идеологии — часть этой всеобщей критики.

Список литературы:

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1995.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Париж, 1972.
3. Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.
4. Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983.
5. Рикёр П. Герменевтика, этика и политика. Московские лекции и интервью / Пер. с фр.; ред. И. Вдовина. М., 1995.
6. Спинова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2012.
7. Эллюль Ж. Политическая иллюзия. М., 2003.

References (transliteration):

1. Aron R. *Etapy razvitiya sotsiologicheskoy mysli*. M., 1995.
2. Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva*. Parizh, 1972.
3. Veber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva*. M., 1994.
4. Gurevich P.S. *Sotsial'naya mifologiya*. M., 1983.
5. Riker P. *Germeneytika, etika i politika. Moskovskie lektzii i interv'yuu* / Per. s fr.; red. I. Vdovina. M., 1995.
6. Spirova E.M. *Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola*. M., 2012.
7. Ellul' Zh. *Politicheskaya illyuziya*. M., 2003.

Такова вторая предпосылка: «отстранение» как диалектическая противоположность «участия» является основным условием, предопределяющим возможность критики идеологии в рамках герменевтики.

3. Если критика идеологии полагается лишь на частную объективность нашей исторической обусловленности, то знание, полученное при этом, может остаться частичным, фрагментарным. Этот недостаток — свойство герменевтики, он — следствие диалектических отношений между «отстранением» и «участием».

«Эпистемологический статус» этого неполного знания отражает герменевтическое условие исторического познания, которое включает всеобщность.

4. Четвертая и последняя предпосылка — просто деонтологическая. Она касается позитивного использования теории идеологии. Критика идеологии, задача с которой мы всегда должны начинать, но которой не можем ограничиться.

В каждом конкретном обществе идеология остается сводом интерпретаций, которые поддерживают члены группы. Благодаря этой «принадлежности к ...» (классу, нации, обществу, культуре), мы не просто мыслители, «парящие в небесах», но уходим корнями в то, что Гегель называл «этической субстанцией».

Чуть меньше самонадеянности и немного больше скромности — вот что необходимо для решения задачи, связанной с критикой или реабилитацией нашей исторической субстанции.